

Художник П. Перевезенцев

А я сказал — пропуск!

Денис Тихий

НАНОФАНТАСТИКА

— А я сказал — пропуск!
— Забыл! Возле самовара!
Вахтер посмотрел на щуплого студента:
— Отродясь тут самоваров не было. Источников, понимаешь, возгорания!
— То есть возле ноутбука, Петр Гаврилович.
Вахтер открыл тетрадь:
— Комната?
— Шестая!
— Фамилия?
— Тпрушин! Иван Тпрушин, — истово сказал студент и подался вперед.
— Три шага назад! За черту!
Студент отпрянул за белую черту, нарисованную на полу нитрокраской.
— Тпрушин... — бормотал вахтер, перекидывая странички.
— Иван.
— Четвертая — Ким. Пятая — Свиридов, Попов. Шестая — Соломин... Тпрушин.
— Иван! Я же говорил!
— Как же я тебя не помню, а?
— Да помните! Забыли просто.
— Соломин... Метр восемьдесят, лицо славянское, уши вывернутые, зубы ровные, родинка...
— Да-да!
— А Тпрушина — не помню. Не проходил ты мимо меня.
— Ну, Петр Гаврилович! Каждый же день! Третий курс уже!
Вахтер посуровел:
— Хватит мне тут баки заговаривать. Ишь! Ежели ты Тпрушин, то давай пропуск!
— Я на лыжах ходил! У меня и карманов нет! — Студент ткнул пальцем в лыжи.
— Не знаю я, как это ты на четырех лыжах ходил.
— Ну как... Две на ноги, две на руки.
Петр Гаврилович уставился на студента. Шутит? Глаза честные до стеклянности.
— Так я пойду?
— Пропуск! — рявкнул Петр Гаврилович.
— Мне на улице теперь спать, коли я пропуск забыл? Минус восемь!
— Не мое вахтерье дело. Очистить помещение!
Студент развернулся, взял лыжи и вышел вон.

Смеркалось. Валил густой снег. Мурзик неистово мурлыкал под батареей. Петр Гаврилович извлек из ящика стола вязанье. Сколько он тут повидал, лицо, лицо, изнанка. Прут без пропуска.

А потом — пьянство, провал сессии, изнанка, изнанка, лицо. Сменщики спят на посту. Давеча затащили садовую скамейку, лицо, лицо, лицо. И две урны — в три пуда весом каждая. Где был вахтер? Известно где. В опьянении он был, изнанка, изнанка, лицо. Все держится на Петре Гавриловиче! Он в этом общежитии родной. Девушки говорят: «фагоцит». Всегда на посту. Даже в отпуске. Один только раз попал в больницу. Рак желудка, сказали врачи. И что? На одном чувстве долга — выздоровел! Профессора смотрели, поверить не могли!

Петр Гаврилович отложил шарф и развернул газету. Первая полоса, аршинными буквами: «Съеден волками!»

Случай у общежития № 7 ПОТРЯС ГОРОД! Студента третьего курса Т., уснувшего возле общежития, СЪЕЛИ ВОЛКИ, вышедшие от бескормицы из лесу. Остались лишь четыре обглоданные лыжи да шерстяная шапочка. Следствие считает виновным вахтера П.Г., не пустившего студента домой.

Фото под статьей показалась знакомым: глаза раскосые, лицо широкое, чистое... Ба, да это ведь Тпрушин Иван! Что за чушь?

Скрипнула дверь. Мурзик выгнулся дугой и утробно зашипел. Петр Гаврилович поднял глаза. Шаркающей походкой кадра из тьмы фойе шел юноша с двумя бледными крылами. Он уткнулся в заблокированную вертушку и глянул прямо в душу Петра Гавриловича оловянными глазами. В руках Тпрушин Иван держал перекушенную лыжу.

— За что?
— Пропуск... — просипел Петр Гаврилович.
— Жизнь — за бумажку?! — ощерился покойник.
— Без пропуска — нельзя!
— Пусти!
— Не пущу!
— Пусти-и-и!
— Не положено!!
— Пусти!!! — крикнул покойник уже не ртом, а горлом, разошедшимся от уха и до уха.
— Пропуск!!!
— Ах-х-х! Та-а-ак! — взвыл Тпрушин и вlepил Петру Гавриловичу лыжей в лоб. Из глаз полетели полковничьи звезды, и вахтер проснулся. Увлечшись вязанием, он задремал, чего отродясь не случилось, и стукнулся во сне головой об стол. Перед ним стоял Иван Тпрушин. Живой и бледный от холода.
— Пустите, пожалуйста! Холодно! Идти некуда!
— Холодно?
— Ага. И темно. И страшно.
Петр Гаврилович надел фуражку, посуровел и сказал:
— Пропуск!

Посол махнул рукой, и картинка расплылась в воздухе.
— Ошибки сам назовешь? — спросил Посол.
— С самоваром прокололся, — шмыгнув носом, ответил Соискатель, в котором Петр Гаврилович без труда узнал бы Тпрушина Ивана.
— Да. Владение деталями важно. Отличать надо супонь от облучка, а ноутбук от самовара.
— Невозможно с ним договориться!
— Ты — будущий Посол Земли. Ты — мышца, передающая волю! Для тебя нет слова «невозможно»!
— Простите, Посол, но бывают и неразрешимые задачи.
— Вот эта? — улыбнулся Посол. — Ты еще не ходил мимо Марьи Ильиничны в общагу текстильщиц!
— Понимаю...

— Я уже молчу о цыганке Лауре, у которой надо будет на преддипломе увести цепочку и серьги. Гипноатаку, кстати, ты провел отлично, он почти дрогнул. Ну-с, осенью жду.

Когда Соискатель покинул аудиторию, Посол вернул изображение Петра Гавриловича. Отмасштабировав, приблизил лицо к выпученному глазу вахтера.

— Чего у него глаза такие желтые? — вслух сказал Посол. — Надо бы его просканировать — вдруг опять болен? Такие кадры терять нельзя!